

ТОТ, кто в сорок первом году жил в столице, никогда не забудет, какими были тогда ночи Москвы. Не забудет, как прожектора ловили над самой Москвой проправившие сквозз воздушные рубежи фашистские бомбардировщики, как их брали на мишень наши зенитные орудия. Раздавались оглушительные взрывы, горели дома, а утром по радио слышен был голос Левитана: «Сбит под Москвой «Хейнкель-111» (или «Юнкерс-88»)».

И вот однажды, августовским утром, мы услышали по радио, что младший лейтенант, летчик-истребитель Виктор Талалихин, протаранил идущий на Москву тяжелый бомбардировщик «Хейнкель-111», и скоро узнали, что московскому комсомольцу Виктору Талалихину Указом Президиума Верховного Совета присвоено звание Героя Советского Союза.

...Как обычно, в июне многие из писателей собирались уехать из Москвы отдохнуть. Но вдруг — война! Никто из нас не задумывался над тем, что мы будем делать. Каждый думал — немедленно на фронт. И вот — телефонный звонок. Звонит Александр Яковлевич Таиров, который поставил пять моих пьес. К началу войны в Камерном театре шли два моих спектакля: «Алькасар» — о гражданской войне в Испании и «Честь» — о советских партизанах.

— Послушайте, — говорит Александр Яковлевич, — что вы собираетесь делать завтра, сегодня?

— Конечно, идти на фронт! — ответил я.

— Вы на фронт успеваете, волнуясь, говорит он. — Нужна срочно пьеса о героических битвах, вот наподобие «Алькасара»...

— Я подумаю, — говорю я.

— Вам и думать нечего. Сегодня я прекращаю репетиции всех спектаклей. То, что мы сейчас ставим, — это уже второстепенно. Мне срочно нужна пьеса о войне и, главное, о нашей победе!

Этот разговор состоялся 22 июня, в день нападения на нашу страну гитлеровской Германии. Десять дней я не выходил из дома, а на двенадцатый день на труппе Камерного театра читал пьесу «Батальон идет на Запад». Пьеса, по моему, взволновала труппу, но кто-то из актеров заметил: «Пока наши только отступают... Можно ли называть пьесу «Батальон идет на Запад»?..»

Таиров с места ответил: — Мы с вами будем свидетелями того, как наши армии будут наступать на Запад! Искусство вправе говорить о том, что будет!

В тот же день начались репетиции нового спектакля. Театр работал увлеченно. Таиров репетировал утром, вечером, ночью. Я присутствовал на репетициях.

Однажды Таиров обратился ко мне:

— Почему вы теряете время и сидите на репетициях?! Я в пьесе менять ничего не буду, ни одной реплики, и обещаю сделать хороший спектакль. Мне нужна новая пьеса. Вы же чувствуете, что немцы рвутся к Москве...

Вот тогда я и задумал написать пьесу о летчиках-истребителях, которые перехватывали вражеские бомбардировщики и не допускали их к столице.

В Политуправлении Красной Армии меня познакомили с командующим военно-воздушными силами московской зоны обороны — полковником Николаем Александровичем Сбытовым. Я не видел Сбытова с 1941 года, но он и теперь стоит перед моими глазами — худощавый молодой человек, всегда по-военному собранный, по-мужски красивый, в хорошо подогнанной армейской форме, скупой на слова, но когда скажет, непременно запомнишь.

Николаю Александровичу я объяснил, что хочу написать пьесу о летчиках-истребителях, которые охраняют подступы к Москве, и назвал эту пьесу «Небо Москвы».

— Ну, что ж! Очень хорошо! Я

познакомлю вас с настоящими героями!

С этого дня я стал спутником Сбытова. Где только я ни бывал! Почти во всех лесах вокруг Москвы, не только с запада, но и с востока, с юга, с севера! Каких только людей я не видел в эти дни: совсем безусых, казалось, еще совсем мальчишек, молодых летчиков, видел летчиков-истребителей со стажем, которые дрались еще под Мадридом и на Халхин-Голе. Знакомился с командирами полков, начальниками штабов. Командные пункты были расположены то в землянках, то в «кубриках» — деревянных ящиках для перевозки самолетов.

Сложные были задачи у истребительных полков! Немцы все приближались к Москве. Эшелоны вражеских бомбардировщиков все увеличивались, все учащались налеты. Немцы мечтали хоть одним массированным ударом пронестись над Москвой. И если столица была сохранена, то в этом огромная заслуга военно-воздушных сил московской зоны обороны.

На воздушных подступах к Москве шли жестокие бои. Придешь, бывало, в авиационный полк, познакомишься с летчиком, который

Вместо Королева ответил Николай Александрович Сбытов:

— «Хейнкель-111» — это самый скоростной, самый большой бомбардировщик. Это, можно сказать, летающий танк с множеством боевых точек! И экипаж у него побольше, чем у «Юнкерса». И трудно к нему подобраться, тем более для того, чтобы протаранить...

Я очень жалел, что сразу после этого подвига не увидел Талалихина.

И вот на третий день на аэродроме я с волнением ждал встречи с этим летчиком. В этот день Михаил Иванович Калинин вручил Талалихину Золотую Звезду Героя и Орден Ленина.

Я уже прикидывал новые качества будущего героя пьесы «Небо Москвы». Я хорошо знал Чкалова, Водопьянова, Ляпицкого, Громова, широкоплечих русских богатырей, таких простых и таких непростых людей, прославивших нашу авиацию, наше Отечество. И вот мысленно среди них я уже рисовал себе Виктора Талалихина.

— Едет! — крикнул кто-то.

На аэродром въезжает «эмка» и останавливается.

Я солгал бы, если бы сказал, что не был огорчен... Вместо моего героя с могучей фигурой

вышел из машины маленький, совсем маленький, худенький паренек, в котором на вид не было ничего героического. Он смущенно улыбался. На его гимнастерке блестяли Золотая Звезда и Орден Ленина.

Вопарилось молчание. Сначала Талалихин вытянулся перед полковником Сбытовым и мальчишеским голосом сказал: «Товарищ командующий! Разрешите обратиться к командиру

полка!».

Сбытов протянул ему руку:

— Поздравляю, товарищ младший лейтенант, с присвоением звания Героя Советского Союза! Поздравляю, Виктор!

После этого бросились к Талалихину все летчики подразделения, схватили его, подбросили в воздух, смеялись, радовались. Это была простая, товарищеская, неофициальная встреча героя, но встреча самая великолепная, какую я видел в жизни.

Талалихин вытянулся перед полковником Королевым и доложил: «Товарищ командир полка! Прибыл в ваше распоряжение Герой Советского Союза...» — он не закончил фразу и кинул осторожный взгляд на товарищей, стараясь угадать — будут ли они над ним смеяться... Королев обнял его и поцеловал.

В истребительных полках была железная дисциплина. Но одновременно было в этих полках какое-то неопределимое теплое товарищество, братство. Никто из летчиков не знал, как через несколько минут обернется его судьба: станет ли он жертвой очереди вражеского бомбардировщика или будет героем дня. Но все жилось весело! По-товарищески подшучивали друг над другом. Весело рассказывали о таких встречах в воздухе с врагом, что у постороннего выступал холодный пот на лбу...

Мы подружились с Виктором Талалихиным. Он часто бывал у меня дома, я бывал у них в полку. И каждый раз, когда он вылетал на боевое задание, я волновался... Но был крепко уверен, что такие парни не погибают.

Он и стал героем моей новой пьесы — таким, каким я знал его и каким его видел.

И вот я закончил пьесу «Небо Москвы». Первому, после Николая Александровича Сбытова, я хотел прочесть ее Виктору Талалихину.

Но командующий мне сообщил: «Сегодня ночью погиб Виктор...»

Пьеса «Небо Москвы» шла в Камерном театре в постановке Александра Яковлевича Таирова. Шла она и в кино в постановке Юрия Райзмана. И, несмотря на то, что фамилия главного героя была Стрельцов, все узнавали в нем Виктора Талалихина, который первым протаранил немецкий бомбардировщик, идущий на Москву.

К 30-летию РАЗГРОМА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК ПОД МОСКВОЙ

НЕБО МОСКВЫ

Георгий МДИВАНИ

вчера в неравном бою сбил «Юнкерс-88», через неделю снова приедешь, а его уже нет.

— Ему не повезло, — скажет командир.

О летчиках не принято было говорить: «убили» или «сбили»...

Возвращаясь в Москву и попадая в театр, я рассказывал Таирову неповторимые биографии молодых летчиков, эпизоды героических битв, и Таиров радовался, что пьеса вырисовывается.

Я уже писал пьесу о веселом русском парне-гиганте — «косая сажень в плечах», как говорится, который еле влезает в кабину своего маленького истребителя. Таирову это нравилось, и он торопил меня. Но вдруг ночью звонок по телефону. Звонит полковник Сбытов:

— Вот для вас новый материал! Два часа тому назад московский комсомолец Виктор Талалихин первым в этой войне протаранил тяжелый немецкий бомбардировщик «Хейнкель-111»...

Утром я был уже в подольских лесах под Москвой. Командир полка полковник Михаил Королев, старый, опытный летчик, рассказывал:

— Это все происходило на наших глазах. Совсем недалеко. В воздухе шел бой. Я удивился: почему наш летчик перестал стрелять?.. Оказывается, у Талалихина вышли боеприпасы. Потом видим, как он нагнал вражеский бомбардировщик и врзался винтом в его хвостовое оперение. Немец пошел вниз кувырком. И наш истребитель тоже потерял управление, камнем пошел к земле. Ну, мы думали: конец! Но вдруг из истребителя прыгает летчик. Еще несколько секунд — и раскрылся парашют... Это было километра полтора отсюда, от аэродрома... Позже Талалихин, заикаясь от волнения, рассказывал, как он гнался за «Юнкерсом», как у него вышли боеприпасы и как он решил протаранить вражеский самолет, как когда-то, в первую мировую войну это сделал первым в мире русский летчик Нестеров... Когда мы обнаружили остатки вовсе не «Юнкерса», а «Хейнкеля», Талалихин не поверил своим глазам, не сказал:

— Какая разница! Я сбил фашиста!

— А какая, действительно, разница?.. — наивно спросил я полковника Королева.